

Государство в современной мировой политике

М.В. Харкевич

В работе уточняется понятие акторности государства в мировой политике с помощью теории структуризации и трансформационной модели социального действия. В акторности государства выделяется три составляющие: актор, нормативная система и власть. В статье рассматривается специфика акторности различных типов государств (государство модерна, постмодерна и премодерна) и особенности их участия в современной мировой экономике, характеризующейся неолиберализмом и рыночно-охранительным федерализмом.

В современном быстроменяющемся мире государства остаются ключевыми участниками мировой политики. Наиболее существенным вызовом для государств сегодня является проблема управляемости на всех уровнях системы мировой политики, от локального до глобального. На этот вызов даются различные ответы. Одни государства следуют стратегии децентрализации, делегируя свою власть негосударственным акторам на надгосударственный и субнациональный уровни. Другие государства, напротив, идут по пути централизации, насколько это возможно в современных условиях, расширения и уплотнения транснациональной сети международных режимов и институтов, а третьи — утрачивают способность к управлению процессами на подвластных им территориях и превращаются в несостоявшиеся государства. Одной из ключевых сфер управляемости, актуальность которой в последние годы чрезвычайно возросла, является мировая экономика. В данной работе мы рассмотрим различные типы государств в современном мире, а также проблематику их участия в управляемости мировой экономикой.

Структура акторности государства

Фундаментальным вопросом анализа государств в мировой политике является вопрос о структуре их мирополитической акторности. Акторность понимается здесь как способность оказывать осознанное, целенаправленное влияние на структуру мировой политики. Анализ данной способности позволяет выделить не только различные типы государств, но и определить их стратегии и инструментарий. Следует отметить, что акторностью обладает большинство государств, однако она может использоваться ими

пассивно или активно, в зависимости от их отношения к существующему миропорядку.

Акторность — это не только качественный, но и количественный признак. Ее объем может быть большим или меньшим. Полностью такая способность отсутствует у несостоявшихся государств. При этом нельзя сказать, что государства последнего типа совсем не влияют на мировую политику. Напротив, они становятся источником и катализатором многих региональных и глобальных проблем, так как их неконтролируемая центральными властями территория притягивает к себе агентов «темной стороны» глобализации.

Проблема акторности в общественных науках наиболее полно изучена в социологии¹. Здесь данная проблематика выражается в теории социального действия и в дихотомии «актор-структура». Вопрос сводится к проблеме свободы социального деятеля от социальных структур, в рамках которых он действует. Решение данной проблемы в определенной степени достигается с помощью признания двойственной природы социальных структур. Э. Гидденс и Р. Бхаскар популяризовали в социологии очевидный факт, что социальные структуры не только ограничивают социальное действие, но и делают его возможным как таковым². Ярким примером данной взаимозависимости является отношение между речью и языком. Каждый язык ограничивает пользующегося им своими грамматикой, семиотикой, набором идиом и понятий. При этом все эти ограничения являются одновременно и условием, инструментом речи, без которого последняя невозможна как таковая.

С аналитической точки зрения политическая акторность может рассматриваться как частный случай социальной акторности, так как политика является одной из подсистем социальной системы общества.

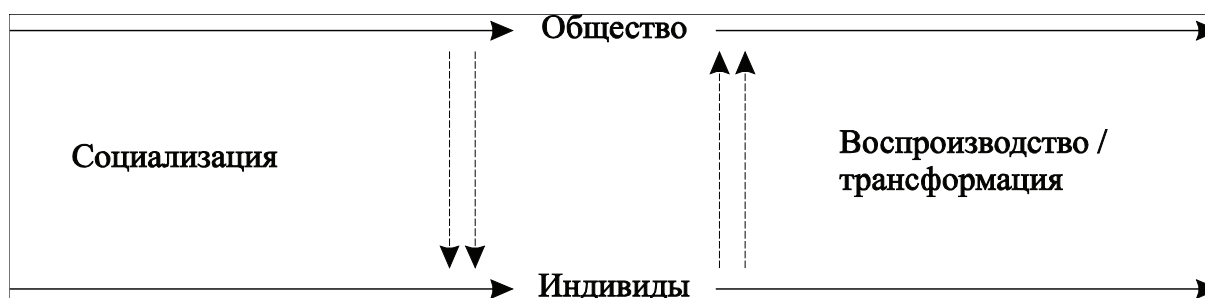
Харкевич Максим Владимирович — кандидат политических наук, зам. начальника отдела научного планирования статистики и учета Управления научной политики МГИМО (У) МИД России; E-mail: kharkevich@mail.ru

Поэтому теории социальной акторности могут быть экстраполированы в политический анализ государств в мировой политике. Такая экстраполяция не только возможна, но уже произошла в основном посредством различных направлений конструктивизма в политологии и в науке о международных отношениях и мировой политике³. В частности, проблематика «актор-структура» является одним из центральных вопросов в конструктивистской парадигме международных отношений⁴.

При анализе акторности государства мы будем опираться на трансформационную модель

социального действия (ТМСД) Р. Бхаскара и на теорию структуризации Э. Гидденса. Согласно ТМСД (см. рисунок 1) социальная форма предшествует социальному действию. Человек как индивидуальный субъект, а государство как субъект коллективный всегда сталкиваются с уже существующими социально-политическими структурами. Деятельность акторов невозможна в структурном вакууме. Акторы не создают структуры, они их трансформируют и воспроизводят.

Рисунок 1. Трансформационная модель социального действия

Источник: Bhaskar R. The Possibility of Naturalism / R. Bhaskar. — 3rd ed. — Routledge, 1998. — P. 40.

Общество является одновременно условием (материальной причиной) и воспроизводимым результатом социальной акторности. В свою очередь, деятельность индивида — это всегда сознательное производство и бессознательное воспроизводство условий этой деятельности, то есть общества. Социальные структуры ограничивают акторность субъекта, но не детерминируют ее, так же как правила грамматики не детерминируют смысл речи. Несмотря на то, что структура предшествует акторам, она не может существовать без них, будучи воспроизводимой в процессе их деятельности, так же как язык нуждается в говорящих на нем.

Социальные структуры, согласно Э. Гидденсу, складываются из двух составляющих: генеративных правил и властных ресурсов⁵. Генеративные правила представляют собой фундаментальные институты социальной системы, которые наделяют определенные действия смыслом. Если социальное действие не укоренено в каком-либо генеративном правиле системы, оно лишается смысла в рамках данной системы и перестает быть социальным действием.

Властные ресурсы являются второй составляющей социальных структур. Социальное действие невозможно без власти. «Для того чтобы быть деятелем, необходимо реализовывать способность к использованию (постоянно, в повседневной жизни) всего спектра власти, включая и воздействие на использование власти другими. Деятельность зависит от способности индивида «вносить изменения» в ранее существовавшее положение дел или ход событий.

Деятель перестает быть деятелем, если он или она теряет способность «преобразовывать», т.е. реализовывать определенный вид власти»⁶.

Таким образом, мы можем выделить три составляющие акторности: актор, нормативная система и власть. Следовательно, акторность государства включает в себя само государство, его власть и нормативную систему мировой политики. Нетривиальность данной формулы заключается в том, что акторность в ней включает в себя как самого актора, так и социально-политические структуры, в рамках которых он действует. Благодаря этому анализ акторности государства приобретает системный характер.

Типы государств в мировой политике

Вышеприведенная формула мирополитической акторности государств хорошо ложится на классификацию государств по критерию их отношения к генеративным институтам модерна и уточняет ее. Несмотря на то что деление государств на государства модерна, постмодерна и премодерна существует уже давно, в науке о мировой политике и международных отношениях оно используется довольно редко. Преимущество данной классификации заключается в ее системности и акценте на институциональную составляющую мировой политики. Генеративные институты политической системы мира составляют то, что в научной литературе образно называют конституцией мировой политики⁷. Трансформация данных институтов приводит к переходу от одной системы мировой политики к другой.

Основным типом государств в рассматриваемой классификации является государство модерна, понимаемое как идеальный тип «классического» вестфальского государства. В основе поведения такого государства на мировой арене лежит стремление укрепить основные институты модерна: национальный суверенитет, верховенство национальных интересов, разделение на внутреннюю и внешнюю политику, национализм и т.д. Стабильность отношений между государствами модерна по-прежнему основана на равновесии сил между ними. Такие государства стремятся максимально снизить свою военно-политическую уязвимость относительно других государств. Количественно государства модерна сегодня по-прежнему составляют большинство. Их классическими представителями можно считать страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Государства модерна являются классическими акторами международных отношений и наиболее полно изучены в

одной из классических парадигм международных отношений, в политическом реализме. Традиционно реалисты дифференцируют государства на супердержавы, великие державы, региональные державы и малые государства.

Государства постмодерна сохраняют многие признаки модерна, такие, как национальные границы, суверенитет и национальная идентичность. Однако эти институты не имеют для них приоритетного значения. Их поведение в мировой политике отличается положительным отношением к взаимозависимости, взаимному участию во внутренних делах друг друга, к системе глобальной управляемости. Политическое насилие невозможно в отношениях между государствами постмодерна. Их безопасность основана на взаимной уязвимости и открытости. Дж. Соренсен выделяет следующие отличительные особенности постмодернистского типа государств по сравнению с государствами модерна (см. таблицу 1)⁸.

Таблица 1. Сравнительные характеристики государств модерна и постмодерна

	Государство модерна	Государство постмодерна
Правительство	Централизованная система демократического правления на ограниченной территории, санкционированная существующей структурой права, опирающаяся на комплекс административных, полицейских и военных структур, утверждающая монополию на легитимное использование силы	Многоуровневая управляемость (governance) в различных взаимосвязанных и пересекающихся областях. Управляемость осуществляется посредством наднациональных, международных, трансправительственных и транснациональных отношений
Национальная идентичность	Народ, проживающий на ограниченной территории, образует сообщество граждан, обладающих политическими, социальными и экономическими правами, и сообщество идентичности (community of sentiment), основанное на лингвистических, культурных и исторических взаимосвязях	Наличие наднациональных характеристик как в сообществе граждан, так и в сообществе идентичности. Групповая лояльность все более проявляет центробежную динамику по отношению к государству
Экономика	Обособленная национальная экономика, самодостаточная, в том смысле что в ней существуют все секторы, необходимые для ее воспроизводства. Большая часть экономической активности происходит внутри национальных границ	«Глубокая интеграция»: большая часть экономической активности протекает в трансграничных сетях. «Национальная» экономика намного менее самодостаточна, чем прежде

Примерами государств постмодерна традиционно считаются государства-члены Европейского союза. Однако Р. Купер относит к данной категории стран также Канаду и Японию (хотя Япония находится в окружении государств модерна, что в определенной

мере ограничивает ее постмодернистское поведение). США, по мнению Купера, скорее, принадлежат к государствам модерна, так как не проявляют европейского уровня взаимозависимости и открытости (особенно в военно-политической сфере). Стремление к

укреплению национального суверенитета присуще США не в меньшей степени, чем Китаю. Несмотря на незначительное количество государств постмодерна, успешный пример ЕС находит своих подражателей в различных регионах мира, что проявляется в развитии региональных интеграционных процессов, таких как АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР. Если перечисленные проекты не достигли еще европейской глубины интеграции, то, по крайней мере, вектор их развития направлен в сторону постмодерна.

Государства премодерна, как правило, представлены либо государствами, которые стремятся к состоянию модерна, либо несостоявшимися государствами. Такие государства слабы не только институционально, они также утрачивают и легитимную монополию на физическое насилие в границах своей территории. Государств, которые стали полностью нефункциональными, немного, однако растет число стран, стоящих на грани сползания в состояние премодерна⁹. Кроме институционального краха эти государства характеризуются тем, что их политическая система основана на традиционных социальных институтах, таких как семья, клан, тейп.

Государства премодерна в большинстве своем являются кланово-племенными образованиями, которые по идеологическим мотивам искусственно встроены в систему международных отношений в качестве государств, но таковыми по сути не являются. Систематическое исследование «квазигосударств» одним из первых провел Р. Джексон¹⁰. Под квазигосударствами Джексон понимает постколониальные государственные образования «третьего мира», обладающие только негативным суверенитетом. Это юридические абстракции, лишенные многих характеристик реальной государственности.

Рассмотренные типы государств, за исключением несостоявшихся государств, образуют во взаимодействии между собой две различные нормативные системы: плюралистическое и солидарное международные общества, формируемые соответственно государствами модерна и постмодерна. Государства премодерна не образуют генеративных институтов, так как не являются акторами мировой политики. Территория несостоявшихся государств составляет гоббсовское пространство мировой политики, в котором институциональное строительство невозможно и процветает «война всех против всех».

В плюралистическом международном обществе генеративными институтами стали *территориальное государство, гегемония великих держав, равновесие сил, дипломатия, война и международное право*¹¹. Важнейшим институтом общества данного типа является территориальная модель государства модерна. При этом государство в контексте плюралистического общества понимается как актор, автономный как от своего населения, так и от других государств и преследующий только свои интересы. Данные два качества конституируются институтом вестфальского суверенитета

(автономность) и «*raison d'état*». «*Raison d'état*, — по словам Г. Киссинджера, — означает идею, согласно которой благосостояние государства оправдывает любые средства, необходимые для его достижения; национальные интересы вытеснили средневековое понятие об универсальной морали»¹².

С институтом территориального государства неразрывно связан институт публичного международного права, понимаемого в плюралистическом международном обществе как право государств модерна. В этом праве можно выделить ряд особенностей, отличающих его от международного права государств постмодерна. Государство определяется в нем исключительно в позитивистском ключе: территория, население, правительство, осуществляющее эффективный контроль над территорией, и признание его статуса другими государствами международного общества. Идеальная составляющая государственности исключена из позитивной теории международного права.

Особенностью международного права в плюралистическом международном обществе также является институт согласия. Государства выполняют только те обязательства, которые они сами на себя берут. Принудить государства к соблюдению договоров, соглашений и конвенций, под которыми они не поставили свои подписи, формально невозможно. Императивные нормы международного публичного права впервые были установлены только в Уставе ООН и в Заключительном акте Хельсинского совещания. При этом данные нормы фактически закрепили конститутивные институты плюралистического международного общества, за исключением института войны.

Основной характеристикой плюралистического международного общества, с точки зрения Э. Харрелла, является иерархия¹³. С самого начала формирования системы государств в Европе образовался клуб великих держав. После каждого значительного военного столкновения между собой великие державы устанавливали новые принципы, регулирующие их взаимное сосуществование. По мнению Дж. Айкенберри, благодаря такой стратегии нормативного самоограничения державы трансформировали свою военную победу в устойчивый авторитет¹⁴. В выработке и последующем поддержании общего нормативного видения послевоенного порядка великим державам помогал институт дипломатии, который обеспечивал коммуникативную составляющую их взаимодействия. Таким способом решался вопрос о формировании общих интересов.

Проблема властной асимметрии в плюралистическом международном обществе регулируется политикой целенаправленного поддержания равновесия сил между великими державами. Равновесие сил и устанавливаемый нормативный порядок усиливают друг друга. Любой регулирующий институт в таком обществе основывается на консенсусе великих держав. В свою очередь, силовое равновесие приобретает устойчивость при совпадении норм и ценностей,

на которые ориентируются великие державы. Сегодня институт равновесия сил продолжает проявлять себя. Как правило, любой международный режим, вокруг которого не сложился консенсус великих держав, оказывается неэффективным¹⁵.

Солидарное международное общество формально конституируется теми же институтами, что и плюралистическое международное общество, но содержание этих институтов качественно иное. Так, территориальность государств постмодерна становится неразрывно связанной с транслокальным пространством негосударственных акторов. Происходит трансформация понимания государственного суверенитета — переход от концепции суверенитета как неотчуждаемого права к пониманию суверенитета как ответственности. Если в рамках плюралистического международного общества суверенитет основывается на идее «автономии», то для государств постмодерна данный институт, прежде всего, означает обязательство эффективно выполнять свои функции во благо своих граждан и международного общества.

Нарушение этой ответственности дает международному обществу легитимное право на гуманитарную интервенцию. Трансформируется и институт «raison d'état». Государства постмодерна преследуют главным образом интересы гражданского общества и стремятся вносить конструктивный вклад в систему глобальной управляемости. Таким образом, государства становятся в большей степени агентами гражданского общества и глобальной управляемости, чем автономными акторами мировой политики.

Меняется и институт международного публичного права. В позитивистскую концепцию государственности постепенно входит моральная норма уважения прав и свобод граждан, демократичность политического режима¹⁶. «В целом же, — отмечает О.Н. Барабанов, — два основных вызова, которые современная мировая политика бросила Вестфальской модели мира: мораль вместо права и эффективность вместо суверенитета, становятся, хотим мы этого или нет, одним из серьезных элементов современного развития»¹⁷.

Также изменение претерпевает и принцип согласия. Связано это с изменениями в теории и практике международного права. Так, по утверждению Э. Харрелла, все большее значение приобретает обычное международное право¹⁸. Источником обычного права является обычай, то есть продолжительная практика государств. Однако норма продолжительности сокращается, создавая возможность для возникновения «мгновенного обычного права» (instant customary law). Значение согласия государств снижается также благодаря распространению международных режимов, в которых государства определяют только общее видение рассматриваемых вопросов, тогда как международные организации и специализированные технические структуры разрабатывают конкретные нормы и планы реализации этого видения. При этом в международных организациях

распространяется практика решения спорных вопросов большинством голосов, т.к. стремление к консенсусу нередко становится преградой эффективности. С другой стороны, зачастую для вхождения в определенный режим (например, ВТО) государству требуется согласиться сразу со всем пакетом предлагаемых нормативных требований, даже если отдельные составляющие этого пакета его не устраивают.

Рассматриваемые типы государств опираются на различные типы власти. В данной статье мы используем типологию власти в мировой политике, разработанную М. Барнеттом и Р. Дюваллем¹⁹. Опираясь на работы американского социолога Дж. Скотта, они выделили два типа власти, действующих непосредственно на свой объект, и два типа власти, действия которых опосредованы различными структурами.

В плюралистическом международном обществе государства делают ставку преимущественно на принудительную и структурную власть, стремясь оказывать непосредственное контролирующее влияние на негосударственных акторов. В солидарном международном обществе государства отходят от практики прямого контроля и учатся не контролировать, а координировать деятельность различных акторов и институтов в рамках механизмов глобальной управляемости. Этому способствуют как раз те типы власти, которые основаны на опосредованных отношениях между акторами, — институциональная власть и продуктивная.

Как отмечает Ф. Керни, «современному неолиберальному миру необходима не жесткая рука и прямое управление, а дирижер, политический хореограф...»²⁰. Именно такими «хореографами» и пытаются стать современные развитые государства. Государства постмодерна не исключают из своего арсенала принудительную и структурную власть. Государства модерна тоже пользуются не только принудительной и структурной властью. Тем не менее, в плюралистическом обществе доминируют прямые властные механизмы, а в солидарном — опосредованные.

Государства и управляемость мировой экономики

В 1999 году С. Стрендж высказала предположение, что долговременный симбиоз Вестфальской политической модели мира и капиталистической экономики разрушился. Проявлениями этого служат азиатский экономический кризис, экологический кризис и кризис социальный, выражающийся в увеличивающемся разрыве в мире между бедными и богатыми²¹. Сегодня становится все более очевидно, что изменилась лишь структура этого симбиоза. В период расцвета Вестфальской модели мира политическая и экономическая системы находились на одном уровне. Это были международные системы. Начиная со второй половины XX века экономическая система поднялась на уровень выше политической системы и стала глобальной. При этом глобальный капитал не преминул

воспользоваться своим новым положением, стремясь закрепить на институциональном уровне структурную асимметрию между политической и экономической системами мира²². В качестве основного инструмента достижения данной цели глобальный капитал использует политику «рыночно-охранительного федерализма»²³.

Заключается данный тип федерализма в организации политического пространства таким образом, что способность экономических акторов, выйти из отдельной политической системы и перейти в другую не может быть ограничена. Достигается это за счет централизации в федеральном центре возможностей по поддержанию свободы рынка и децентрализации возможностей по ограничению рынка. Расчет делается на то, что в условиях децентрализации, когда многочисленные субнациональные образования конкурируют между собой за привлечение квалифицированной рабочей силы, инвестиций, возможности по ограничению свободы рынка будут использоваться редко и не в полной мере. Напротив, централизация инструментов, позволяющих поддерживать свободу рынка, на федеральном уровне будет способствовать более частому их применению.

На тему рыночно-охранительного федерализма писали все основные теоретики неолиберализма²⁴. Б. Вайнгаст попытался формализовать эту модель, выделив в ней пять принципов²⁵:

- необходимость существования, по крайней мере, двух иерархических уровней власти, отношение и функции которых институционально разграничены;
- разграничение функций между двумя уровнями власти делает их относительно автономными друг от друга;
- функции регулирования экономическими процессами сосредоточены преимущественно на субнациональном уровне;
- федеральный центр обеспечивает целостность экономического пространства, препятствия попыткам создания торгово-протекционистских барьеров и т.п. на субнациональном уровне;
- субнациональные правительства испытывают бюджетные ограничения, в том смысле что не могут печатать свои деньги и имеют ограниченный доступ к кредиту.

На региональном и глобальном уровнях данные принципы реализуются в несколько иной форме. Роль федерального центра выполняют различные надгосударственные институты. В качестве примера могут выступать наднациональные институты ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР (региональный уровень), а также ВТО, МВФ, Всемирный Банк (глобальный уровень). Децентрализация функций, ограничивающих свободу рынка, проявляется, в частности, в принципе субсидиарности, активно используемом в ЕС. Контролирующие функции в ЕС децентрализуются, передаются на более низкие уровни управления.

Главная задача рыночно-охранительного федерализма на региональном и глобальном уровнях заключается в предотвращении региональной и глобальной гармонизации контроля над мировой экономикой. Децентрализация контролирующих функций увеличивает их вариативность и конкурентность, что усиливает, в свою очередь, возможность «выхода» для экономических акторов.

Следует отметить, что рыночно-охранительный федерализм таит в себе скрытые угрозы для стабильности глобального капитализма. Отсутствие эффективного контроля над рынком на глобальном уровне приводит к накоплению и неравномерному распределению в системе рисков, которые могут приводить к серьезным кризисным явлениям. По мнению У. Бека, «все усилия мировой экономики сломить, свести к минимуму или заменить власть государств наталкиваются на абсолютный предел: мировой экономики без государства и политики не бывает... Сама мировая экономика нуждается в сильной трансгосударственной всемирно-политической руке, устанавливающей для нее рамки порядка, поскольку иначе теряется признание обществом, а значит, и власть транснациональных акторов»²⁶.

В условиях неолиберальной мировой политической экономии государства разных типов различным образом выстраивают свое участие в экономическом регулировании. Государства модерна ориентируются на формы прямого управления, что противоречит неолиберализму. Поэтому им приходится преодолевать большее сопротивление в условиях глобальной экономики, чем государствам постмодерна, которые ориентируются на опосредованные формы управления. Постмодернистские государства поэтому именуются регулятивными государствами (regulatory state)²⁷.

Если государства модерна стремятся контролировать экономическую деятельность путем непосредственного вмешательства в ход ее осуществления, то регулятивные государства управляют экономическими процессами путем формирования для них соответствующего политического и правового контекста, путем определения общих, рамочных целей и перспектив. Такой подход представляется оптимальным в условиях неолиберальной мировой политической экономии, т.к. он подразумевает использование неолиберализма для управления экономикой, а не противостояние ему.

Заклучение

Рассмотрев современные государства в мировой политике и их участие в управляемости мировой экономикой, можно сделать следующие выводы. Во-первых, государства модерна и постмодерна в своей мирополитической акторности опираются на различные генеративные институты и формы власти. Генеративные институты солидарного и плюралистического обществ формально тождественны, однако по своему содержанию качественно различны. К примеру:

- суверенитет в солидарном международном

- обществе понимается как ответственность, а в плюралистическом — как право;
- международное право в солидарном обществе все более смешивается с моралью и приобретает признаки естественного права, тогда как в плюралистическом обществе международное право по-прежнему понимается исключительно в позитивистском ключе.

Во-вторых, при управлении различными политико-экономическими и социальными процессами государства модерна склонны использовать формы прямого воздействия. Государства постмодерна, напротив, предпочитают оказывать влияние посредством институтов и формирования соответствующего политического и правового контекста.

В-третьих, государства постмодерна более органично встроены в систему неолиберальной мировой политической экономики, чем государства модерна.

Summary: *The article discusses the notion of state agency in world politics using the structuration theory and the transformation model of social action. The state agencal power is divided into three analytically distinct parts: state as an actor, normative system of world politics and state power. This model helps qualify the political agency of three different types of state (modern, postmodern, and premodern state) and their involvement in the governance of world political economy characterized by neoliberalism and market-preserving federalism.*

Ключевые слова

государство модерна, государство постмодерна, государство премодерна, политическая акторность, институты мировой политики, рыночно-охранительный федерализм

Keywords

modern state, postmodern state, premodern state, political agency, institutes of world politics, market-preserving federalism

Примечания

1. См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005.
2. См.: Bhaskar R. The Possibility of Naturalism / R. Bhaskar. – 3rd ed. – Routledge, 1998.
3. См.: Wendt A. The Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge Univ. Press, 1999.
4. См.: Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory / A. Wendt // International Organization. – 1987. – Vol. 41, no. 3. – P. 335–370.
5. См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 59.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – С. 55–56.
7. См.: Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. – Princeton Univ. Press, 2001.
8. См.: Sørensen G. The Transformation of the State / G. Sørensen // The State: Theories and Issues / C. Hay, M. Lister, D. Marsh (eds.). – Palgrave Macmillan, 2006. – P. 205.
9. См.: The Failed States Index 2009 [Electronic resource] // Foreign Policy. – May/June 2009. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/06/22/the_2009_failed_states_index
10. См.: Jackson R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World / R. Jackson. – Cambridge Univ. Press, 1993.
11. См.: Bull H. The Anarchical Society / H. Bull. – Columbia Univ. Press, 1995.
12. Kissenger H. Diplomacy / H. Kissenger. – New York: Simon & Schuster, 1994. – P. 58.
13. См.: Hurrell A. On Global Order. Power, Values, and the Constitution of International Society / A. Hurrell. – Oxford Univ. Press, 2007.
14. См.: Ikenberry J. After Victory. Strategic Restraint and the Rebuilding of Order after Major Wars / J. Ikenberry. – Princeton Univ. Press, 2001.
15. См.: Drezner D. All Politics are Global: Explaining International Regulatory Regimes / D. Drezner. – Princeton Univ. Press, 2008.
16. См.: Fox G., Roth B. Democracy and International Law / G. Fox, B. Roth // Review of International Studies. – 2001. – Vol. 27. – P. 332–333.
17. Барабанов О.Н. Суверенные государства и глобальное управление / О.Н. Барабанов // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Голден-Би, 2008. – С. 90.
18. См.: Hurrell A. On Global Order. Power, Values, and the Constitution of International Society / A. Hurrell. – Oxford Univ. Press, 2007.
19. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics / M. Barnett, R. Duvall // International Organization. – 2005. – No. 59. – P. 39–75.
20. Cerny Ph. Neoliberalisation and Place: Deconstructing and Reconstructing Borders / Ph. Cerny // The Disoriented State: Shifts in Governmentality, Territoriality and Governance / B. Arts, A. Lagendijk, H. van Houtum (eds.). – Springer, 2009. – P. 36.
21. См.: Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies – 1999. – Vol. 25. – P. 345–354.
22. См.: Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. – Прогресс-Традиция, 2007.
23. См.: Harmes A. Neoliberalism and Multilevel Governance // Review of International Political Economy. – 2006. – Vol. 13, no. 3. – P. 725–749.
24. Buchanan J. Federalism as an Ideal Political Order and an Object for Constitutional Reform // Publius: The Journal of Federalism. – 1995. – Vol. 25, no. 2. – P. 1–9.
25. См.: Weingast B. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development // Journal of Law, Economics, & Organization. – 1995. – Vol. 11, no. 1. – P. 1–31.
26. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 221.
27. См.: Moran M. The Rise of the Regulatory State // The Oxford Handbook of Business and Government / D. Coen, W. Grant, G. Wilson (eds.). – Oxford Univ. Press, 2010. – P. 383–403.